

ГЛАВА 2. Единорог.

Эмблема единорога в русской государственной сфрагистике и геральдике возникла, как уже говорилось, в 1561 г. Единорог помещался в щитке на груди двуглавого орла на оборотной стороне Большой государственной печати, отдельно – на реверсе некоторых Малых печатей (ил. 21), а также на аверсе личных печатей государя в XVI в. Очевидно, что на протяжении второй половины XVI – первой половины XVII в. единорог занимал третье место в символической иерархии русских государственных эмблем после двуглавого орла и всадника. Обычно он изображался идущим с поднятой одной из передних ног, опущенной головой и направленным вниз рогом. С Большой печати царя Фёдора Ивановича единорог исчезает (так, на обеих сторонах Большой печати 1589 г. в щитке на груди орла изображён ездец)¹¹⁹, а потом вновь появляется на реверсе Большой печати Бориса Годунова (в щитке на груди двуглавого орла)¹²⁰ и сохраняется вплоть до середины XVII в., т.е. времени правления Алексея Михайловича.

Между тем, сама эмблема единорога была известна на Руси и раньше. Вероятно, самое первое изображение единорога в древнерусской культуре присутствует в качестве рисунка на полях Изборника Святослава 1073 г., где единорог символизирует зодиакальное созвездие Козерога (ил. 22). С конца XV в. изображения единорогов появляются не только в книжной миниатюре (иллюстрации к «Повести о Варлааме и Иоасафе» и др.), но и в произведениях декоративно-прикладного искусства, в памятниках нумизматики и сфрагистики. Так, на печати верейского удельного князя Василия Михайловича Удалого, сохранившейся при договоре 1482 г., изображена борьба единорога и дракона (единорог наверху, дракон внизу)¹²¹. Подобная композиция присутствует и на печати землевладельца владимирского уезда Прокофия Зиновьева Скурата Станищева, скрепляющей документ 1500/1501 г.¹²² Шествующий единорог изображён на чарке князя Семёна Ивановича калужского (1487–1518), одного из младших сыновей Ивана III¹²³. Изображения голов хищного зверя и единорога встречаются в резном декоре костяных пластин великокняжеского посоха конца XV – начала XVI в. из Оружейной палаты¹²⁴. Есть единороги и на золотом «корабельнике» Ивана III, прототипом которого был английский нобль Эдуарда III (король в 1327–1377 гг.), с изображением корабля и креста. На «корабельнике» единороги заняли место четырёх английских львов между концами креста, причём, если на нобле крест со львами помещался на реверсе монеты, то на «корабельнике» крест с единоро-

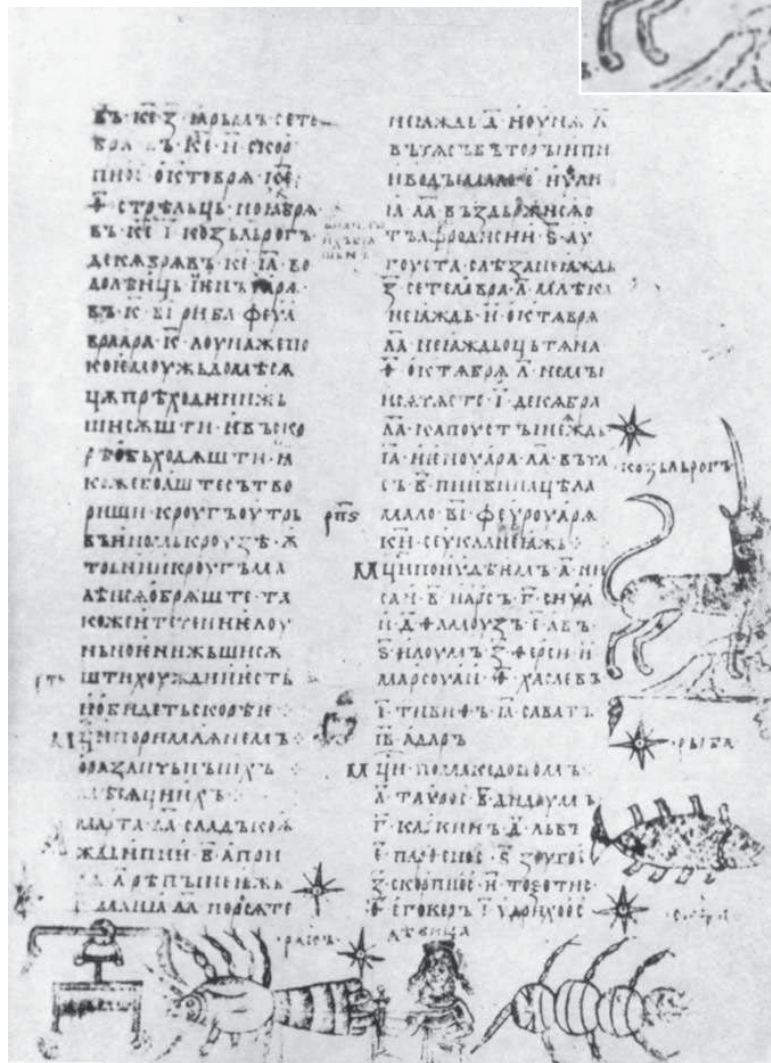
гами занял аверс¹²⁵. В последнем случае, конечно, очевидна ближайшая эмблематическая аналогия из британской геральдики – лев и единорог были настолько сопряжены в этой традиции, что замена львов единорогами на «корабельнике» выглядит вполне естественно. Но всё же, очевидно, что эмблема единорога имела для Московской Руси особенное значение, ставшее чрезвычайно актуальным в правление Ивана Грозного.

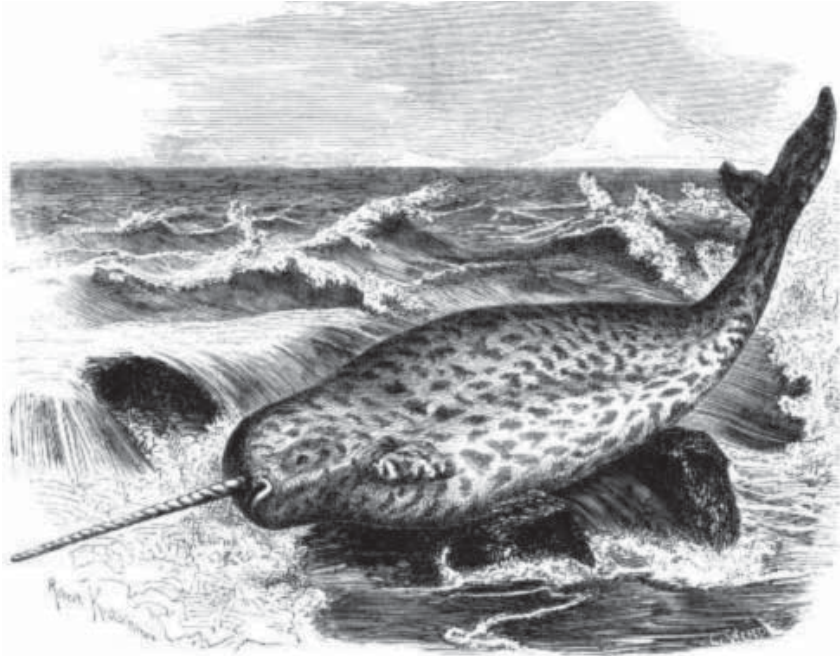
Какую семантику заключала в себе эта эмблема на Руси? Как известно, символ единорога встречается ещё во времена древних культур Востока, начиная с III тыс. до н.э.¹²⁶ Сам образ единорога отличался заметным синкретизмом и как бы объединял в себе несколько представлений, как связанных с реальностью, так и с ритуальной и мифической символикой¹²⁷. Вероятно, через восточное влияние этот образ стал известен в античности – о единороге писали греческие и римские авторы, связывая места его обитания с Индией или, и это, вероятно, более поздняя традиция смешения единорога с носорогом, с Африкой. Так, врач персидского царя, грек по происхождению Ктесий Книдский (404–387 гг. до н.э.), сведения из труда которого об Индии сохранились в произведении Элиана «О природе животных» (II в.) и кратком пересказе «Мириобиблиона», созданного под руководством константинопольского патриарха Фотия в IX в., описал ринорокосу (букв. носорога) следующим образом. Это зверь, подобный дикому ослу, размером с лошадь, с белым туловищем, красной головой, голубыми глазами и трёхцветным рогом – белым у основания, чёрным посередине и тёмно-красным вверху¹²⁸. Таким образом, расцветка единорога – бело-красно-голубая, а его рога – бело-чёрно-красная.

Аристотель в «Истории животных» упоминает единорога мельком в классификации рогатых и копытных животных: «Большинство рогатых по природе двукопытны, например, бык, олень, коза; однокопытных и двурогих мы не видели ни одного; однорогих и однокопытных очень мало, – таков, например, индийский осёл; однорог и двукопытен [один только] орикс» («История животных», II, 1, 18, пер. В.П. Карпова)¹²⁹. Как видим, здесь единорог сближается с антилопой орикс – ориксы действительно иногда теряют один из двух своих длинных рогов и становятся похожими на мифического единорога¹³⁰. Возможно, именно орикс и был прототипом «классического» единорога (животное с телом лошади и одним рогом) в европейской традиции.

В «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря подобный единорогу зверь упоминается в числе животных, обитающих в Геркинском лесу, простирающемся вдоль Дуная до Дакии: «Здесь водится бык с видом оленя; у него на лбу между ушами выдаётся один рог, более

Ил. 22 Изображение созвездия Козерога в Изборнике Святослава 1073 г.

Ил. 23 Изображение нарвала из «Жизни животных» А.Э. Брэма.

Ил. 24 Изображение единорога из книги Амбруаза Паре.

высокий и прямой, чем у известных нам рогатых животных. В своей верхней части он широко разветвляется наподобие ладони и ветвей. У самки такое же сложение, как у самца: её рога имеют такую же форму и такую же величину» («Записки о Гальской войне», VI, 26, пер. М.М. Покровского; возможно, это позднейшая вставка в текст).

У Плиния Старшего в его «Естественной истории» (I в. н.э.) описание внешнего вида единорога совершенно фантастично: единорог (*monoceros*) водится в Индии, это необузданный и дикий зверь, которого нельзя поймать живьём, у него «тело лошади, голова оленя, ноги слона, хвост вепря, глухой (низкий) рёв и посередине лба один чёрный рог длиною в два кубитуса (локтя)», т.е. почти 90 см. («Естественная история», VIII, 31).

Более поздние авторы соотносили единорога с носорогом. Исидор Севильский (ок. 560 – 636) в своих «Этимологиях» прямо объединяет оба названия (*rhinoceron* и *monoceron*) и описывает зверя, имеющего один рог в середине лба, «такой острый и мощный, что на кого бы он ни напал, [рогом] он сбивает его с ног или протыкает. ... У него такая сила, что ни один опытный охотник не может его поймать»¹³¹. Но свирепость единорога укрощается девственницей (об этом сюжете см. далее). Именно рог единорога, по мнению Агапия Манбиджского (X в.), являлся прообразом копья¹³². А Марко Поло, вероятно, видевший живого носорога, именно этого зверя счёл единорогом и удивился его несхожести с общераспространённым в средневековой Европе представлением о нём, хотя и придал ему некоторые «единорожьи» черты. «Водятся тут (*на Суматре*) дикие слоны и единороги, ничуть не менее слонов; шерсть у них как у буйвола, а ноги слона, посреди лба – толстый и чёрный рог... Голова как у дикого кабана и всегда глядит в землю; любит жить в топях да по болотам. С виду зверь безобразный. Непохожи они на то, как у нас их описывают...» (Гл. CLXVI)¹³³.

Как видим, «исторический» единорог считался наделённым большой силой, непобедимым зверем. Эта представление о его мощи и неустрашимости сделало единорога впоследствии распространённым военным символом (помещалось изображение единорога и на русских военных знамёнах, о чём будет сказано далее).

Сила единорога заключалась в его роге. В древности и средневековье этому рогу придавали значение целебного средства, способного служить противоядием¹³⁴. Представления об этом также восходят к сведениям Ктесия Книдского. «Говорят, что тот, кто выпьет из такого рога, получит защиту от всех неизлечимых болезней, ... и не погубит его яд» (Элиан)¹³⁵. В качестве рогов единорога в Европе обычно выступали бивни морского зверя из отряда китообразных – нарвала (научное название *Monodon monoceros*, букв. «Однозубый

единорог», дано в 1758 г. К. Линнеем), зуб которого имеет своеобразную закрученную форму (внешне нарвал, естественно, под описания единорога не подходил) (ил. 23). Считалось, что если выпить из такого рога или опустить его в отравленное питьё, оно лишится своих смертоносных качеств. Рога единорогов как исключительные драгоценности хранились в сокровищницах европейских монархов (например, Рудольфа II Габсбурга¹³⁶) и ризницах соборов (например в аббатстве Сен-Дени и в соборе Святого Марка в Венеции), а сам единорог из-за наличия «его» рогов и в силу традиции долгое время считался реально существующим зверем даже в естественнонаучной западноевропейской литературе¹³⁷.

Между тем, уже в XVI в. высказывались серьёзные, научно обоснованные сомнения как в реальности самих единорогов, так и в целебной силе их рогов (сомневался в этом уже Альберт Великий). Опыты по определению целебных свойств рогов проводил Джероламо Кардано (1501–1576), который был не только выдающимся математиком, но и врачом. Большое значение имел трактат великого французского медика Амбруаза Паре (ок. 1510 – 1590) «Рассуждения о мумии, о единороге, о ядах и о чуме», изданный в 1582 г. (ил. 24). Паре проанализировал сведения о единороге античных авторов, выяснил отсутствие достоверных упоминаний о встречах с этим зверем и попытался определить, какому животному в действительности могли принадлежать рога единорога. В качестве возможных прототипов в трактате рассмотрены, в частности, слон, носорог, морж, нарвал. Наконец, с помощью экспериментов Паре убедительно развенчивает миф о чудодейственной силе рога единорога. Тем не менее, вера в эту силу держалась в Европе ещё долгое время, а единорог считался реально существующим животным.

Некоторую двойственность в отношении единорога в ту эпоху прекрасно выразил выдающийся фламандский живописец Ян Брейгель Бархатный (1568–1625) в своей картине, написанной, вероятно, в начале 1610-х гг., «Райский пейзаж со сценой грехопадения» (Музей изобразительных искусств, Будапешт). Здесь в райском саду изображены многочисленные реально существующие животные, в том числе и экзотические слоны, верблюды, туканы, попугаи, а на заднем плане, вдалеке за рекой Брейгель написал двух белых единорогов.

Таким образом, с одной стороны, он как бы причислил их к реальным животным, а с другой, отделил от мира живых существ.

Подобно мифическому фениксу, единорогу приписывали способность самовозродиться: из сброшенного умирающим зверем старого рога появлялся новый единорог¹³⁸. «И скинет рог во скрай моря на песце, и на него мочится на корень на крвавои конець и от того зародится в нем червь, от похоти и крови зверины. И тако воз-

растает червь и бывает зверь единорог»¹³⁹. При этом живёт единорог 532 года, после чего сбрасывает рог, из которого зарождается новый зверь. Число 532 – отнюдь не случайно. Это период т.н. великого индиктиона – спустя который фазы луны и дни недели приходятся на одни и те же числа месяца, а следовательно, полностью повторяются и даты Пасхи. Пасхальный круг, таким образом, замыкался, символизируя повторение последовательности Пасхальных дней, а значит, и воскресения Христа. В этом смысле единорог мог сопоставляться с Христом, а самовозрождение единорога интерпретироваться как надежда на воскресение человечества после искупления грехов.

Здесь нельзя пройти мимо и одного любопытного этимологического момента. Дело в том, что с единорогом (единрогом) (само это слово представляет собой кальку с греческого слова «монокерос») на Руси соотносился зверь индрик, который может проходить под землёй и прочищать своим рогом источники воды¹⁴⁰. В этом качестве индрик-единорог упоминается в русском духовном стихе, известном под названием «Голубиная книга», здесь единорог (индрик) назван царём зверей, вступившим в противоборство со львом¹⁴¹.

Сопряжение названий «единорог» и «индрик» легко объяснимо, поскольку единорога именовали также инорогом, инрогом, индрогом. А происхождение слова «индрик» не вполне ясно. В Александрийском «Физиологе» (II–IV вв. н.э.) упоминается зверь энудр (енудр, также индрия в славянском варианте), название которого связывается с выдрой. Однако он имеет совершенно другую характеристику – это небольшой зверь в виде собаки, который враждует с крокодиллом. В этом качестве энудр близок ихневмону. Излишне говорить, что ничего общего между индриком и энудром нет, за исключением названий: «энудрос» – буквально «живущий в воде», «водный»¹⁴². Поскольку индрик своим рогом открывает источники, то и его название также восходит, по-видимому, к этому греческому прототипу (а не к слову «единорог» через форму «инрог», как полагал М. Фасмер). Единорог-инрог-индрик связывается с Индией, откуда происходит¹⁴³. Народная этимология сближает слова «индрик» и «Индия». В этот же круг вписывается и внешне схожее слово «индикт», «индиктион» – по просшествии великого индиктиона единорог самовоспроизводится. Своим рогом единорог прочищает подводные ключи, очищает воду от нечистоты, благодаря чему её могут пить другие животные¹⁴⁴. Эта целебная сила рога соотносится с функцией рога в качестве противоядия.

В то же время (парадоксально) единорог считался в христианской традиции одновременно и кротким животным¹⁴⁵. Это качество также соотносило его с Христом. Усмирить, приручить единорога могла только девственница, поэтому единорог воспринимался сим-

волом чистоты и невинности. «Физиолог» так описывает этого зверя: «Небольшое животное, подобное козлёнку, молчалив и кроток весьма; и не может охотник приблизиться к нему из-за того, что сила его велика. ... Как же ловится? Девуцу чистую бросают перед ним, животное устремляется к груди её и сосёт. И берёт его к царю во дворец»¹⁴⁶. В христианском ключе этому сюжету придавали особое значение. Дева символизировала Богородица, а единорог – самого Христа («духовного единорога»), воплотившегося в лоне Богородицы, рог же символизировал единство Христа с Богом-отцом¹⁴⁷.

Сюжет «дева с единорогом» получил распространение в европейском искусстве – можно вспомнить знаменитый цикл французских шпалер конца XV в. из собрания парижского музея Клуни «Дама с единорогом» (вернее было бы называть его «Дама с единорогом и львом») (ил. 25), картину неизвестного итальянского художника, т.н. «Мастера балтиморской истории Париса» «Девушка с единорогом» (сер. XV в., Христианский музей, Эстергом, Венгрия) (ил. 26), рисунок Леонардо да Винчи (1478 г.) из собрания Ашмолеанского музея в Оксфорде (ил. 27), картину Рафаэля «Дама с единорогом» (предполагаемый портрет Джулии Фарнезе, 1505–1507 гг.) из коллекции галереи Боргезе в Риме (ил. 28), фреску Доменикино (ок. 1602 г.) в палаццо Фарнезе в Риме (возможно, изображение той же Джулии) (ил. 29), картины Гюстава Моро 1880-х гг. «Афина с единорогом» и «Единороги» и др. Единорог считался символом целомудрия, невинности и именно в этом качестве являлся атрибутом изображённых на подобных портретах дам. В иконографии «Триумфа Целомудрия», иллюстрирующего поэму Франческо Петрарки (1304–1374) «Триумфы», именно единороги (золотые или белые) везут колесницу с Целомудрием. Одно из наиболее ранних изображений подобного рода можно видеть у Франческо Пезеллино («Триумфы Любви, Целомудрия и Смерти», ок. 1450 г., Музей Изабеллы Стюарт Гарднер, Бостон)¹⁴⁸ (ил. 30). В связи с этой семантикой единорог стал атрибутом целомудренной Святой Юстины Падуанской – в этом качестве его изображение можно увидеть на известной картине Алессандро Моретто «Святая Юстина с донатором и единорогом» (ок. 1530 г., Музей истории искусства, Вена) (ил. 31).

Христорологическое толкование единорога послужило причиной помещения его и в качестве созвездия на звёздное небо. Единорог относится к нескольким созвездиям, созданным голландским картографом Петером Планциусом (1552–1622) около 1612–1613 гг. и носящим отчётливо христианский, религиозный оттенок. Благодаря карте звёздного неба немецкого астронома Якоба Барча (ок. 1600 – 1633) 1624 года созвездие единорога вошло в астрономический обиход. Первоначально оно называлось *Unicornu*, причём сам единорог

Ил. 25 «Дама с единорогом». Одна из шпалер цикла.

Ил. 26 Мастер Балтиморской истории Париса. Девушка с единорогом.

Ил. 27 Леонардо да Винчи. Девушка с единорогом.

Ил. 28 Рафаэль. Дама с единорогом.

Ил. 29 Доменикино. Девушка с единорогом.

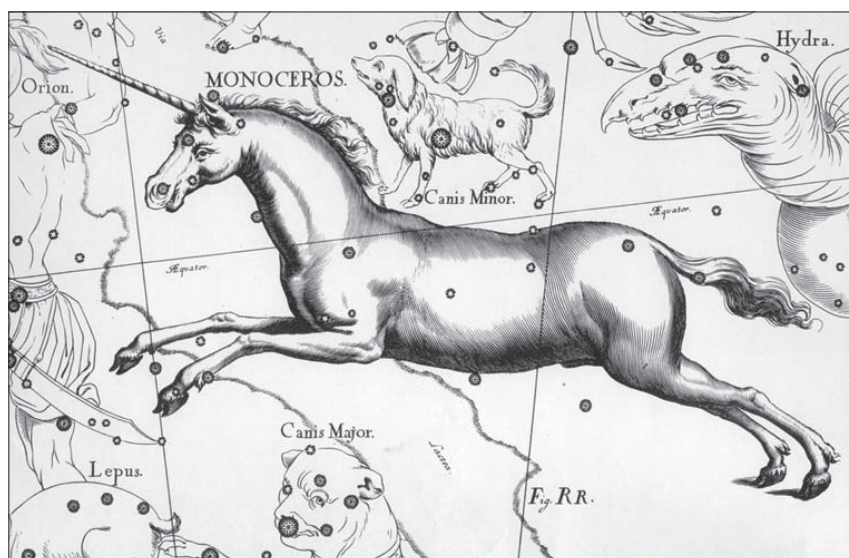

Ил. 30 Франческо Пезеллино. Триумфы Любви, Целомудрия и Смерти.

Ил. 31 Алессандро Моретто. Святая Юстина с донатором и единорогом.

Ил. 32 Созвездие Единорога из «Уранографии» Яна Гевелия, 1690 г.

изображался стоящим или идущим. Однако, начиная с «Уранографии» великого польского астронома Яна Гевелия (1690 г.) (ил. 32), единорог на картах звёздного неба изображается бегущим, а название самого созвездия изменилось на *Monoceros*.

Примечательно, впрочем, расположение созвездия «Единорог» на звёздных картах. Единорог находится за охотником Орионом, между Малым и Большим Псами, расположенными над и под ним. При этом Орион на картах изображён обращённым не в сторону Единорога, а от него, к Тельцу. Единорог, как и оба Пса, обращён к Ориону. Несмотря на это, трудно отделаться от мысли, что, по идее Планциуса, Орион с собаками и должен был охотиться на Единорога. Как бы то ни было, за Единорогом расположено созвездие Льва, отделённое от Единорога созвездием Гидры. Сочетание льва и единорога – одно из распространённых символических парных изображений в европейской культуре. А ещё дальше за Львом находится созвездие Девы. Таким образом все три созвездия – Единорог, Лев и Дева – образуют как бы единую семантическую цепочку. Это заставляет считать выбор Планциусом и Барчем места для Единорога на карте звёздного неба неслучайным.

Христианские коннотации рождало и представление о том, что единорог обитает на горе Фавор, трижды день славит Господа, обратясь на восток¹⁴⁹. Вообще же христианская семантика в трактовке этого символа была значительной и через «Физиолог» и другие bestiarii в конечном итоге восходила к библейским текстам.

В Библии слово «рог» служит метафорой, с одной стороны, спасения, с другой, – величия, славы и власти («вознесение рога»)¹⁵⁰. Приведём примеры.

Вторая книга Царств 22, 3: «...Бог мой, хранитель бысть мой. Уповаю буду на тя. Защитник мой и рог спасения моего». «Бог мой – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего»¹⁵¹.

Псалтирь 17, 3: «Господь утверждение мое, и прибежище мое, и избавитель мой. Бог мой помощник мой, и уповаю на ня. Защититель мой, и рог спасения моего, и заступник мой». «Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое».

В Евангелии от Луки явление Христа метафорически именуется «воздвижением рога спасения». 1, 69: «И воздвиге рог спасения наш в дому Давидове отрока своего». «И воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего».

Псалтирь 88, 17-18: «И о имени твоём возрадуются весь день, и правдою твою вознесутся. Яко похвала силы их ты еси, и в благоволении твоём вознесется рог наш». «О имени Твоём радуются весь

день и правдою Твоею возносятся, / Ибо ты украшение силы их, и благоволением Твоим возвышается рог наш».

Псалтирь 88, 25: «И истина моя и милость моя с ним, и о имени моем вознесется рог его». «И истина Моя и милость Моя с ним, и Моим именем возвысится рог его».

Псалтирь 111, 9: «Расточи, даст убогим, правда его пребывает в век века, рог его вознесется в славе». «Он (*праведник*) расточил, раздал нищим; правда его пребывает вовеки; рог его вознесется во славе».

«Вознесение» рога соотносится с рогом единорога, а «рог спасения» символически означает Христа.

В Псалтири «вознесение» рога единорога служит метафорой приобщения к Господу и победы над врагами. 91, 11: «И вознесется яко инорога рог мой, и старость моя в елеи мастите». «А мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умащен свежим елеем»¹⁵².

Там же единорог олицетворяет силу Господа. 28, 5–6: «Глас Господень сокрушающего кедры, и стрыет Господь кедры ливанския. И истонит я яко телец ливанский, и возлюбленный яко сын единорождь». «Глас Господа сокрушает кедры; Господь сокрушает кедры Ливанские / И заставляет их скакать подобно тельцу, Ливан и Сирион, подобно молодому единорогу»¹⁵³.

В Книге Иова через образ единорога характеризуется сила Бога и бессилие человека. Единорог предстаёт как дикий и неукротимый зверь. Иов 39, 9–12: «Похощет же ти и ин рог поработати, или спати в яслех твоих. Привяжеш ли же ремень игу его, и проженет ти бразды на поли. Надееш ли ся нань яко многа крепость его, пустиши же ли нань дела своя. Веруеш ли же ли яко воздасть ти семя, внесет же ли ти в гумно». «Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? / Можешь ли верёвкою привязать единорога к борозде, и станет ли он боронить за тобою поле? / Понадеешься ли на него, потому что у нег сила велика, и предоставишь ли ему работу твою? / Поверишь ли ему, что он семена твои возвратит и сложит на гумно твоё?»).

В Книге «Числа» освобождение евреев из египетского плена соотносится с «быстротой единорога» (23, 22; 24, 28).

Рог, наполненный елеем, в Библии используется также при помазании на царство, т.е. символизирует Божественную благодать, нисходящую на правителя. Именно так помазывают на царство по повелению Господа пророк Самуил Давида (Первая книга Царств, 16) и по повелению Давида жрец Садок Соломона (Третья книга Царств, 1).

В славянской традиции фольклорные представления о единороге сближали этот образ с водной стихией, потусторонним миром и его обитателями: единорог уходил под воду в народном рассказе о Всемирном потопе и, как уже говорилось, мог жить под землёй, про-

чищая источники воды (рога единорога были разнесены Всемирным потопом по всему миру). В книжной же традиции единорог символизировал Христа и христианское спасение, надежду на возрождение грешного человеческого рода (символика самовоспроизводящегося единорога)¹⁵⁴. Анализируя славянскую книжную культуру, О.В. Белова выделяет следующие семантические значения этого символа: единорог мог символизировать Христа и непорочное зачатие (мотив единорог и девица); Христа, помогающего падшему человеку («рог церкви» – Христос поднимает, «воздвигает» грешника); человека, не забывающего о Боге и возносящего молитву (мотив единорога, славящего Бога); человека, вооружённого «крепостью Христовой» (рогом) против еретиков, и, наконец, даже беса, одолевающего человека, и смерть¹⁵⁵. Причём последние толкования явно вторичны и восходят к «Притче о инорозе» из литературной «Повести о Варлааме и Иоасафе», имеющей, очевидно, восточное происхождение (греческая версия «Повести» была создана в кон. X – нач. XI в., древнерусский перевод «Повести» датируется XI – нач. XII в.)¹⁵⁶. Ассоциация единорога с загробным миром известна и в европейском искусстве – см. офорт Альбрехта Дюрера «Похищение Прозерпины» (1516 г., Метрополитен-музей, Нью-Йорк) (ил. 33).

На библейские «образцы» опирались и русские толкования XVI в. А.Л. Хорошкевич приводит примеры из текстов 1550-х гг., в которых возвышение «христианского рога» связывается с победами над татарскими ханствами и возвеличением «христианского Российского царства». В послании же новгородского архиепископа Пимена Ивану Грозному (1563 г.) воздвижение «рога спасения нашего» сопоставляется с вручением Господом царю скипетра «Российского царствия»¹⁵⁷. Несколько сомнительным выглядит свидетельство В.Н. Татищева о надписи, сопровождающей изображение единорога на ковше Лжедмитрия I «яко единорога святилище твое на земли» с предположительной ссылкой на Псалтирь, не находящей подтверждения¹⁵⁸. Татищев впервые высказал мнение, что единорог был «гербом» Ивана Грозного, но семантику символа не раскрыл. В дальнейшей историографии доминирующей стала светская, кратологическая трактовка образа, несмотря на очевидные духовные коннотации. Единорог признаётся символом сильной власти московского царя, его могущества и непобедимости, «царской власти в полном её объёме», имеющим к тому же милитаристский оттенок¹⁵⁹. Между тем, духовное содержание символика единорога, исходя из толкований XVI в., представляется более актуальным для той эпохи. По мнению А.Л. Юрганова, единорог Ивана Грозного олицетворял собой власть Христа, что было особенно значимо для середины XVI в., когда (как полагает исследователь) эсхатологиче-

Ил. 33 Альбрехт Дюрер. Похищение Прозерпины.

ские ожидания «обострились до предела»¹⁶⁰. Анализ особенностей изображения и расположения единорога на государственных печатях, как кажется, подтверждает эту мысль.

Показательно, что появился единорог на государственных печатях в начале 1560-х годов, когда царский титул Грозного был

признан Константинопольский патриарх¹⁶¹. В уже упомянутом послании архиепископа Пимена Ивану Грозному (1563 г.) сказано: «Владыка Господь... воздвиге рог спасения нашего тебе, боговенчанного царя, и вручил ти есть скипетро Российскаго царствия, жезл силы, жезл достояния, устрояюща словеса на суде, хранящаго истину в веки, творяща суд и правду посреде земля и непорочным путём ходяща»¹⁶². Здесь Господь вручает царю не просто скипетр, знак силы и власти, но делает его залогом спасения, хранителем истины и установителем правды на земле. Таким образом фигура царя приобретает те самые функции «исполнителя воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного “благочестия”»¹⁶³, которые столь ярко проявились в опричной политике Ивана Грозного. В контексте эсхатологических ожиданий, в преддверии скорого Страшного Суда слова Пимена приобретают особое значение. Символ единорога не только является символом Христа, но он означает и власть православного государя как духовного судии и символизирует веру в будущее Второе Пришествие¹⁶⁴. Вероятно, рог единорога, означающий духовную победу христианства, не только означал православный характер власти Московского царя, но отражал её главное предназначение – стать залогом христианского спасения, и именно Московский царь через этот символ уподоблялся Христу – грядущему Спасителю.

Оригинальную гипотезу об астрологическом значении эмблемы единорога на Руси выдвинул Р.А. Симонов¹⁶⁵: под инрогом (единорогом) подразумевался зодиакальный знак Козерога, как в Изборнике Святослава 1073 г. Поскольку московские Рюриковичи считали себя потомками рода императора Августа (по крайней мере, с 1510-х гг.), а астрологическим знаком Августа был Козерог, то, возможно, поэтому Козерог и стал астрологическим «управителем» Руси (в XVI в. считалось, что Русь находится под астрологическим управлением Сатурна и Козерога). При всём новаторстве этой гипотезы она вызывает ряд возражений. Между Изборником Святослава и «корабельником» Ивана III, на котором единороги заменили английских львов, лежит огромная хронологическая дистанция (отождествление Козерога с единорогом в книге «Рафли», на которую ссылается исследователь, относится уже ко второй половине XVI в.), а сочетание львов и единорогов настолько очевидно для британской геральдики, что само по себе, как уже говорилось, вполне объясняет замену первых вторыми на «корабельнике» Ивана III. Со второй половины XVII в., по крайней мере, созвездие козерога в русской куль-

туре изображалось в виде козла или фантастического животного с рыбьим хвостом, а никак не в виде единорога¹⁶⁶.

С середины XVI в. изображение единорога присутствует не только на государственных печатях, но и на целом ряде других предметов. Уже упоминалось, что единорог в щитке на груди двуглавого орла располагался на наградных золотых, начиная с эпохи Ивана Грозного и вплоть до царствования Фёдора Алексеевича. Причём, на «золотых» наиболее крупного достоинства в XVI–XVII вв. единорог в щитке на груди орла расположен на аверсе, а всадник на таком же щитке – на реверсе¹⁶⁷. Это взаимное расположение привело Р.А. Симонова к выводу о такой «ранжировке» русских государственных эмблем на золотых: двуглавый орёл, единорог, всадник-змееборец¹⁶⁸. Примечательно, что она не совпадает с иерархией тех же эмблем на государственных печатях (двуглавый орёл – всадник – единорог). Со времён Алексея Михайловича единорог исчезает с печатей, а на золотых продолжает ещё сохраняться. Всё это лишний раз доказывает существенную разницу в употреблении, а возможно, и семантике отдельных геральдических эмблем на печатях, монетах и золотых. Вероятно, «преимущество» единорога над ездецом на золотых (в отличие от обратного «преимущества» на печатях) может объясняться функциональным назначением золотых, являвшихся наградами. Если усматривать в эмблеме единорога духовно-христианский подтекст (в отличие от более светской по характеру эмблемы всадника) и к тому же видеть в ней личную эмблему государя (всадника в таком случае, вероятно, можно считать эмблемой государственной, символизирующей российскую царскую власть как таковую), то помещение именно единорога на аверс крупных наградных золотых могло подчёркивать, что это пожалование исходит лично от государя. На печатях же ситуация была иной: здесь на первый план выходили эмблемы с общегосударственным значением, а эмблемы, имевшие более «личностную» смысловую нагрузку, отходили во второй ряд – по всей видимости, семантика единорога со временем «сужалась». В любом случае семантическое наполнение тех или иных эмблем в рамках тех или иных знаковых систем, безусловно, не было постоянным и менялось со временем.

Единорог помещался и на некоторых печатях государственных учреждений и даже городов. Так, в конце XVI–XVII в. он присутствует на печатях приказа Большого прихода, а затем Большого дворца (*ил.* 34)¹⁶⁹, т.е. дворцового ведомства (что подтверждает особую близость этого образа с фигурой государя), в XVII в. на печатях Красноярского острога¹⁷⁰, Московского печатного двора (противостоящие лев и единорог под короной)¹⁷¹.

Ил. 34 Печать Приказа Большого двorca, 1638 г.

Помимо сфрагистики и нумизматики (имеются в виду наградные золотые, а не собственно знаки денежного обращения), изображения единорогов в данный период встречаются на очень большом числе разнообразных предметов, включая белокаменный декор зданий, оружие, переплётёты книг и т.д.¹⁷²

Единорог стал и частью государственных регалий, поскольку его рог, как уже говорилось, соотносился с царским посохом и скипетром. При венчании на царство Ивана Грозного в 1547 г. скипетра среди государственных регалий ещё не было. «Тем не менее в Пространной редакции чина венчания царя, составленной чуть позже, в 1550-х годах, он наряду с бармами и Шапкой Мономаха был включён в состав регалий, обязательных для этой церемонии. Возможно, что к тому времени в царской казне уже имелся какой-то скипетр»¹⁷³. И действительно, впервые скипетр в качестве регалии был зафиксирован английскими послами Р. Ченслором и К. Адамсом в 1553 г.¹⁷⁴ Однако царский посох-жезл известен с более раннего времени. Так, посох с крестом упоминает среди регалий Василия III С. Герберштейн¹⁷⁵. Посох выполнял особую символическую функцию, являясь «осью мира, своего рода «мировым деревом», проходящим сквозь руку государя и через него скрепляющим земное пространство с небесным»¹⁷⁶. После появления скипетра посох сохранился среди регалий, правда, теперь он являлся церемониальной регалией царевича¹⁷⁷. Такая ситуация была, например, на приёме ганзейского посольства Борисом Годуновым в 1603 г., когда царь держал скипетр, а царевич – жезл из рога единорога¹⁷⁸. Если наследника престола не было на аудиенции, то посох всё равно находился в тронной зале по левую руку государя, как это было на приёме польских послов в 1579 г.¹⁷⁹

Жезл Ивана Грозного, сделанный из рога единорога (скорее всего, из бивня нарвала), «обладал», естественно, и целебными свойствами. «Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога, с великолепными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, большой стоимости, – сказал Иван Грозный в присутствии Джерома Горсея, – жезл этот стоил мне 70 тысяч

марок, когда я купил его у Давида Говера, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков». «Он приказал своему лекарю Иоганну Эйлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали. «Слишком поздно, он не уберёжёт теперь меня...»» (если бы рог «действовал», то пауки не могли бы выбраться из круга)¹⁸⁰. Так царский жезл¹⁸¹ использовался и с медицинскими целями – в качестве противоядия, подобно западноевропейской традиции. По сообщению Жака Маржерета, в царской казне Лжедмитрия I хранились два «совершенно» целых рога единорога, царский посох, сделанный также из этого материала (поперечина посоха, «на которую опираются, сделана из другого рога единорога») и ещё половина рога, «которой повседневно пользуются в медицинских целях»¹⁸². Рога попали в руки польских захватчиков во время Смуты¹⁸³. Посох царя Михаила Фёдоровича был сделан из слоновой кости (хотя, возможно, также считался сделанным из рога единорога)¹⁸⁴. Посох Алексея Михайловича считался сделанным из рога единорога, инроговая кость находилась в царской аптечке ещё в 1673 г. (возможно, в качестве кровоостанавливающего средства), а сами рога (освидетельствованные царскими медиками как рога нарвала) предлагались иностранцами царской казне к покупке в 1655 и 1657 гг.¹⁸⁵

В ноябре 1562 г. наименование рога единорога даже вошло ненадолго в царский титул: «...великого государя, яко рога инрога, царя и великого князя...»¹⁸⁶ – здесь царь *непосредственно* соотнесён с рогом единорога. Схожая ситуация наблюдается и во «Временнике» Ивана Тимофеева, где с единорогом сопоставляются Иван Грозный, его сын Иван, в качестве «молитвенного рога» выступает царь Фёдор Иванович, в образе «младорога» – князь М.В. Скопин-Шуйский, которому мог быть уготован рог «святопомазания», если бы не преждевременная смерть. Таким образом, Тимофеев использует образ единорога и его рога и в семантическом аспекте силы, неустрашимости, непобедимости и защиты своей земли от врагов (в том числе и в христианско-православном контексте), и в качестве метафоры приобщения к Богу (молитвенного возвышения), и как символ Божественной благодати при помазании на царство с помощью определённого атрибута (рог с елеем)¹⁸⁷.

По-видимому, в несколько ином значении, как символ силы, мощи и неукротимости единорог известен и на предметах военного характера. По крайней мере, с конца XVI в. он присутствовал на многих военных знамёнах, иногда в схватке со львом, иногда в одиночестве¹⁸⁸, причём порой изображение единорога сопровождали звёзды. На седле Ивана Грозного декоративные изображения единорогов расположены по сторонам стилизованного двуглавого орла¹⁸⁹. На оправе арчака (остова седла), сделанного в третьей четверти XVII в., золотой лев

и белый (серебряный) единорог сопровождают изображение чёрного двуглавого орла (ил. 35)¹⁹⁰. Интересна композиция на пряжке ножен сабли «Большого наряда», изготовленной, по-видимому, в составе новых регалий Михаила Фёдоровича в конце 1620-х гг.¹⁹¹. Здесь под двуглавым орлом помещены два льва, а внизу скачущий вправо единорог. Такое обилие изображений единорогов на предметах вооружения заставляет считать его своего рода военным символом царской власти. Военные коннотации вполне объяснимы в свете символизации единорогом победы над врагами, в том числе и в христианском, православном контексте (ср. текст Псалтири).

Итак, эмблема единорога в оформлении и презентации царской власти выступала в двух взаимосвязанных символических значениях – в качестве символа православного русского государя, возглавлявшего царство будущего спасения и в этом смысле носила мессианский и эсхатологический характер, и в качестве символа мощи и неустранимости православного воинства перед лицом врагов. Этот духовно-символический смысл образа единорога оставался особенно актуальным на протяжении второй половины XVI – начала XVII в., уступив впоследствии место его более «приземлённому» восприятию, как знаку царской власти в ряду других подобных эмблем. Существенным для русской эмблематики царского периода было и сочетание единорога со львом, которое рассмотрим отдельно.

Ил. 35 Седло, третья четверть XVII в., Оружейная палата.